

conceptual and author's pictures of the world. It systematizes the material for making the dictionary of the constants of Ukrainian culture, the Ukrainian conceptual base, is the basis for theoretical studies of the laws of the development of language and society at significant chronological intervals.

Keywords: *Ukrainian language thinking, lexicographic modeling, language history, integral lexicography, consolidated vocabulary, Oles Honchar's neolexicon.*

Т. В. Стась
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

НАЗВАНИЯ УГОДИЙ, РАСЧИЩЕННЫХ ПОД ПАШНЮ ИЛИ СЕНОКОС, СВЯЗАННЫЕ С ПОДСЕКАНИЕМ УЧАСТКОВ ЛЕСА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ XIV–XVI ВВ.)

В статье рассматривается один из наиболее важных и вместе с тем наименее изученных вопросов русской исторической лексикологии – формирование разнообразной по происхождению и семантике сельскохозяйственной терминологии, дается ее характеристика с точки зрения происхождения и функционирования на различных этапах развития русского языка, определяется структура, словообразовательный и семантический объем, прослеживается ее дальнейшая судьба. Последовательное применение описательного, сопоставительного и сравнительно-исторического методов позволило аргументированно осветить процесс формирования лексики земледелия и сенокосения в генетическом, семантическом, семасиологическом и функциональном аспектах.

Ключевые слова: *историческая лексикология, лексико-семантическая группа, полисемия, вариативность компонентов.*

Подсечно-огневое земледелие в северных и северо-западных землях с его выработавшейся веками сложной системой обработки лесных участков, превращения их в пахотную или сенокосную землю сохранилось здесь вплоть до нашего времени.

В новгородских памятниках письменности отмечен ряд наименований, отражающих в своей семантике различные этапы подготовки лесоучастка под пашню. В основу характеристики лексики подсечно-огневого земледелия изучаемой территории положен дифференциальный признак “способ подготовки к использованию”. Объединение анализируемых лексем в лексико-семантические группы (ЛСГ) определил этап подготовки земельного участка к использованию.

Цель статьи – охарактеризовать лексику подсечно-огневого земледелия с точки зрения происхождения и функционирования на различных этапах развития русского языка, определить ее структуру, словообразовательный и семантический объем, проследить дальнейшую судьбу.

Объединенные в ЛСГ лексемы употребляются для обозначения одного и того же понятия и являются близкими или тождественными по значению, многообразие их форм, на наш взгляд, характеризует определенный момент становления земледельческой терминологии – накопление лексических средств (это было характерно для всей системы языка анализируемого периода). Рассматриваемые названия участков леса, расчищенных под пашню или сенокос, вступают в родо-видовые отношения с лексемой *земля*, называющей “любой участок леса, расчищенный под пашню или сенокос”.

В группу, где ключевым словом является лексема *подсека*, входят синонимичные наименования: *сѣча*, *подсѣка*, *розсѣчь*, *суки*, *сучье*.

В новгородской письменности XIV–XVI вв. при обозначении действий, называющих процесс подготовки (расчистки) леса под пашню или сенокос, активно использовались общеславянские глаголы *сечь*, *сечи*, *секти*, *секу*. Глагол *сечь* – индоевропейского характера – ср. “болг. *сека* “секу”; сербохорв. *сужѣћу*, словен. *sékati*, *sêkam* “рубить, сечь, чеш. *sekati*, *síci*, словц. *sekat'*, *siect'*, польск. *siekać*, *sieczę*, в.-луж. *sykać*, *sus*, н.-луж. *sekać*, *sec*; полаб. *sect* // Праслав.**seko*, **sěkti* первонач. атематич. глаг., родственно др.-лит. *Įsekti* “насечь”, *išsekti* “высечь”, лат. *seco*, *-are* “обрезаю”, ирл. *esgid* “отрубает”, далее сюда относится *секура* и *сечь*, лат. *sakena* “тесак жреца”, д.-в.-н. *segansa* “коса”, *seh* ср.п. “лемех”, *sega*, *saga* “пила”, алб. *shat* “кирка”, “мотыга” [5, III, с. 593]. Современная форма из **sekti* / *kt* перед гласным переднего ряда изменилось в дописьменную эпоху в **Ч**, **Ъ** > **Е**, конечное безударное **И** отпало [КЭС, с. 408].

В “Материалах” И. И. Срезневского глагол *сѣчи*, *сѣку* многозначен. Здесь *сѣчи*, *сѣку* – рубить; вырубать, выкапывать, откапывать; прорубать, пробивать; косить; наносить удары мечем, рубить; убивать; разить [4, III, с. 904–905]. *Сѣчи*, *сѣку* с семантикой “рубить” иллюстрируется в данном лексикографическом труде примером из “Жития преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского”, написанного черноризцем Нестором в 1093 г.: *Видѣша преподобнааго игоумена своѣго сѣкоуща дрѣва*; и примерами из других источников, среди которых отметим “Запись Григория Лыкова митр. Зосиме 1492 г.”: *Сѣно косити и лѣсъ сѣчи отпало* [там же; АЮБ I, № 118].

В “Материалах” Г. Е. Кочина глагол *сѣчи* также многозначен. Здесь, кроме прочих, отметим значения: “рубить лес, пользоваться лесным угодьем”, “сечи расчисть, урочище” [2, с. 324], зафиксированные в новгородских и псковских летописях, в грамотах Великого Новгорода и Пскова, в юридических актах в основном центральных районов Московской Руси. Так, в Грамоте Вежицкого монастыря монастырскому ключнику в Толвце Яким отмечаем: *И вы на Палье острове, лѣса не сѣкити, сѣна не косити* (ГВНП, № 316, XV в.), где *не сѣкити* – “не рубите”. *А хто*

ослышится сеи нашей грамоты, а почнет наступатися на домовую землю сятгы Богородици, а почнет лъсь стъчи и пожни косити <...> ино тотъ будет лишен лотки и стътеи (там же). *Лъсь стъчи*, без сомнения, – “рубить лес”. В “Материалах” Г. Е. Кочина отмечено префиксальное образование *рассечи* “расчистить” посредством вырубки, зарегистрированное в документах центральных районов Руси. В письменных памятниках Новгородской феодальной республики оно не отмечается.

Со второй половины XV в. в новгородских документах употребляются слова с корнем *-сѣк-*: *подсѣка* (от *подсѣкати* *sekti – sek-a-ti*), *сѣча*, *розсечь* (от **sekja*) со значением “участок леса, расчищенный под пашню”.

Подсѣка в “Материалах” И. И. Срезневского в середине XV в. отмечается в Купчей Василя Дьяк. 1550 г. с семантикой “место, где вырублен лес, чищоба”: *По той же рѣкѣ Понжѣ наволокъ и съ подсѣкою* [4, II, 1069]; *Велгълъ имъ на другои сторонѣ Шекины рѣки <...> чистити пожни, и лъсь стъчи, и деревню на той подсѣкъ поставити* [Тарх. Гр. Кир.-Белоз. Мон. 1556 г., там же].

Рассмотренный материал позволил расширить семантический объем лексемы *подсѣка*, предлагаемый И. И. Срезневским. Так, в Данной на полторы веревки земли и деревню в погосте Тойвотове... отмечено слово *подсѣка* с семантикой “участок леса, расчищенный под сенокос”: *А те моя земля въ межахъ на Красной горкѣ съ Феодосіемъ Тимофіевымъ пожнею Рышкова въ межахъ* [АХУ II, XVI в.].

В документах других территорий апеллятив *подсѣка* засвидетельствован с XV в. Например, в переяславских актах отмечаем: *От Свечинские огорода на тонкую липу да на краи Свечинские подсеки да дуленатую иву* [Докл. Переясл. у., 1480 г., Ак. I, № 544]. В предлагаемом примере *подсѣка* “расчищенный участок леса”, но по контексту можно конкретизировать, расчищен этот участок под пашню или под сенокос.

В конце XVI в. и в течение XVII в. лексема *подсѣка* активно используется в деловой письменности Белозерья, языковой территории, входившей состав новгородского диалекта. В XVI–XVII вв. лексема *подсѣка* используется преимущественно в документах центральных районов Белозерья. Она отмечена нами в различных документах Кирилло-Белозерского монастыря: в книгах большого строителя, в приходно-расходных книгах, в отписных посельских старцев различных вотчин монастыря, в челобитных крестьян: *Лесъ посекли и в потсекахъ рожь и репу сеяли* [Дело Кир.мон. 1677 г.; ЛОИИ ф. 260, сп. I, № 397]; *Посекъ он старец на пустоше на аспидове лесъ въ подсѣку и пожегъ а стоячево лесубольши того прижегъ* [Челоб. кр.-ян Кир.-Белоз., XVII в.; ГПБ ДА А I, № 17, л. 458].

В западных районах Белозерья в XVII в. лексема *подстька* отмечена в челобитной пономаря... 1686 г.: *Владеють той пустошью онъ же поп да дьячекъ, подстьки секутъ, хлебъ сеютъ* [Оп. св. Влг., в. 7, 77].

В XVII в. лексема *подстька* продолжает употребляться на территории Холмогорской епархии. Так, в Грамоте царя Василия Ивановича на Двину... отмечаем: *...и тому де ихъ дядь Ивашку дано на оброкъ пустые пометные земли 2 обжи с третью в розныхъ мѣстѣхъ за ручьем и на Борановъ Носу да на подстьке* [АХУ II, 1612 г.]. В XV–XVII вв. *подстька* активно употребляется двинских источниках: *Пожня <...> промежь Евсевьевыми подстьками* [Ант. Вкл., 59, XVII в.].

Следует отметить, что в Новгородских писцовых книгах XV в. лексема *подстька* зафиксирована нами в качестве топонимического наименования. Ареал более древнего по происхождению непрозводного топонима *подстька* охватывает по преимуществу территорию Деревской пятины Новгорода Великого: *Да въ деревне въ Подсекѣ дв. Боярский пусть* [НПК II, 331, XV в.]; *Въ Вусть-Воломскомъ селцо Подсека* [там же, 307]. В Переписной оброчной книге Деревской пятины отмечено использование топонима Подсеки – формы множественного числа лексемы подсека: *Д. Подсеки* [там же].

Деревская пятина, как известно, на востоке и на юго-востоке граничила с Тверской землей, так что наличие в ней топонимического наименования Подсека, на наш взгляд, можно объяснить процессами междиалектного общения. Возможно, появление и распространение его в северо-западных землях Великого Новгорода и Белозерья – результат влияния деловой письменности центральных районов Московского государства, так как в XV–XVI вв. в документах, направляемых из Москвы в эти земли, довольно активно используется формула “лес сечи и деревню на той подсеке поставити”.

В Переписной оброчной книге Деревской пятины зафиксированы используемые в качестве топонимов префиксальные образования мужского рода и префиксально-суффиксальные образования женского и среднего рода от корня *-сек-*: *Д. Осекъ, Д. на Осечнѣ, Д. Осечно* [НПК II, с. 802].

В географических названиях, особенно в названиях населенных мест, лексика живого народного языка отражалась наиболее полно. Названия населенных мест в большей степени, чем другие географические наименования, связаны с деятельностью человека. Люди называли места своего поселения сплошь и рядом словами, указывающими на ту или иную сторону их трудовой деятельности. Получив раз определенное наименование, географическое название сохранялось на протяжении целого ряда эпох. Именно поэтому местные названия могут быть незаменимыми источниками для изучения словарного состава языка в различные исторические эпохи; в них заключен материал, отражающий различные периоды в истории народа.

В памятниках некоторых территорий лексема *сѣча* “разделанный под посев участок леса, подсека” фиксируется с XV–XVI вв. Так, в Отводной... 1492 г. она впервые отмечается в письменности Белозерья: *А поляну третью до сече с рожью Малюта да Левуша отвели к своей деревне Михалевской* [Ак. II, № 290]. Более активно лексема используется на данной территории с XVI в., особенно в документах восточной части Белозерья: *Посекли у нас лесь монастырский сильно, да рожь посеяли <...>. сечу с хлебом велел судье присудити Ферапонтовским старцемъ* [Пр. гр. Ферап., 1502; Ак. II, № 337]. Рассмотренная лексема распространена в основном в центральных районах Московской Руси. В московских, владимирских, переяславльских, дмитровских, тверских, кашинских источниках XV–XVI вв. она отмечена в значении “подсека”, “сенокос на подсеке”.

“Опыт областного великорусского словаря” отмечает лексемы *подсѣка* “подсеченный лес; валежник” с пометами “арханг., новгород.” [Опыт, 165], *сѣча* “в лесных местах пахотная земля, с которой вырубают лес и, для удобрения, сжигают” с пометой “владим.”, сечище “пространство земли, на котором вырублен лес” – “арханг.” [Опыт, 225]. В словаре В. И. Даля “*подсека* – чищоба, кулига, пожег, починок, валки, росчисть в лесу. *Прятать подсеку*, вост., сев. – жечь срубленный на чищобе лес. *Подсеку подымать* – “пахать” [2, III, с. 209]; *сеча* – “просека, прочисть, росчисть, в лесу улицей: *Землемеры сѣчу проложили...* // “яроsl., влад., кал.” *подсека* – “место, площадь, где вырублен лес или лесосека, где идет рубка; // росчисть в лесу, где лес вырублен и сожжен на месте, под пашню. *Сечище* – с пометами “арх., прм.” – *посѣк, посѣка*; “арх.” – “высечка, место в лесу, где идет рубка, отвод и, где лес уже вырублен”; “*Сечная земля*, каз. вспаханная целина” [2, IV, с. 382].

В современных народных говорах *подсека* – довольно активный элемент лексической системы, причем не только центральных районов. Рассматриваемая лексема отмечается и в южных, и в юго-восточных областях. Как видим ареал распространения слова *подсека* в XVII–XIX вв. заметно расширился.

По данным картотеки СРНК, лексема *подсека* используется на территории южной части Архангельской области – в каргопольских, онежских, плесецких говорах, в Карелии – в пудожских, Санкт-Петербургских, Лодейнопольских говорах. Картотека СВГ отмечает лексему в в картотеках ПОС, АОС, СНГ. В национальный период лексема переходит в разряд общеупотребительных слов русского литературного языка.

Собственно русское слово *розсечь* фиксируется в одном из документов Белозерья. В “Материалах” И. И. Срезневского *росѣчь* == *розсѣчь* “пашня, поднятая из-под леса” [4, III, с. 176]. Лексема отмечена в документе XV в. восточной части этой территории: *То, господине, розсечи и покосы*

кочевинские, почаль ставить дворь сее <...>. на отца моего розсечи <...> рлзсечи пахаль [Правая кр. Кир.-Белоз. Мон., 1492 г.; АК III].

Памятники других территорий, в том числе и новгородские лексему *розсечь* не отмечают.

В современных говорах Белозерья лексема *розсечь* не сохранилась, не фиксируется она и областными словарями (отсутствует в картотеках СРНГ, ПОС, СРГК, СРГ, АОС, СВГ, СБГ).

Памятники письменности Новгородской земли XVI–XVII вв. свидетельствуют об активном употреблении лексемы *суки* – формы именительного падежа множественного числа общеславянской лексемы *сук*, болг. *сък*, серохорв. *сѹк*, чеш., словц. *suk*, польск. *sek*. Лексема *сук* имеет соответствия в других индоевропейских языках. Праславянское **sokъ* сближается с лит. *at-šankė* “крюк, выступ на дереве, палка”, др.-инд. *saṅkus* “острый колышек, деревянный гвоздь, кол” [КЭС, 431; 5, III, с. 798].

В “Материалах” И. И. Срезневского *сукъ* – “ствол, прут, сучок” [4, III, с. 614]. Заметим, что в именительном падеже множественного числа слово *сукъ* первоначально имело форму *суци*, а в винительном — *суки*. Форма *суки* явилась в результате взаимодействия форм именительного и винительного падежей и выравнивания основы во множественном числе.

В. И. Даль с пометами “новг., твр., пск.” предлагает: Прятать *суки*, валить *суки* – валки жечь, расчищать лес под пашню, покос; рубить и жечь лес под росчисть, подсеку, кулигу [2, IV, с. 358].

По нашим данным, распространение лексемы *суки* в XVI–XVII вв. ограничилось территорией Северо-Западной Руси. Особенно активно она использовалась в документах Вотской и Обонежской пятин Великого Новгорода, а также в памятниках псковской письменности. В дошедших до нас документах указанных территорий лексема *суки* отмечена нами с семантикой “участок леса, расчищенный под пашню”; “участок леса, расчищенный под сенокос”: *Суки сечи на собя в монастырь* [Оброчн. кр.-ян Вотск. пят. 1598 г.; Арх. Стр. I, № 361]; *Пож. межъ Пивже реки Пывжжицы, против дуба в сукахъ, Онтонка Осипова, со старостою за Мишутю <...> сена 90 копень, оброку 7 алтынъ* [П. кн. XV в., с. МАМО V – ИКПС; 238, с. 77]; *А что суки сечены или хлеб сеянь в 105 году, а тлтъ хлеб пожатию, а суки спахати, только будутъ ржаные суки 106 году* [Челобитная кр.-ян Киж. Погоста 1697 г.; Ак. гражд. распр. I, № 86]; *Завладели, государь, они моею посекирною землею, а я сирота тех суков знаменил и хотел хотел суки подсечь и сев посиять* [Челобитная кр.-на Выхтозерской волости; Мюллер, 108, XVII в.]; *Пашут лешую пашню <...> сек суки, похваляется и мои сеченые суки отнять, сек суки и пхал* [Челоб. строителя Гонгорерского монастыря Феодосия, там же, 132, XVII в.].

Следует указать, что в некоторых памятниках письменности нами отмечено параллельное употребление лексем *нива*, *чертеж* и *суки* как абсолютных синонимов: *Жалоба на Потапа Иванова <...> с его суков ушел огонь в суки Максима Кондратьева, а чертеж его Максимов згорел. И он Максимка для ты его Потаповы нивы пожегу и чертежу своего меня сироту понапрасну испродал* [Челоб. кр.-на Мирозерской волости Фед. Андр., Мюллер, там же 240, XVII в.].

С XVII в. в документах северо-западных территорий сопредельного с бывшими землями Новгорода Великого Белозерья фиксируется лексема *сучье* – собирательное существительное от *сукъ*. В. И. Даль определяет *сучье* как сучья, хворост; валки, кулига, огнище, чищоба [2, IV, с. 358]. Внутренняя форма слова *сучье*, как и *суки*, свидетельствует о его принадлежности к терминологии подсечно-огневого земледелия. Приведем примеры использования лексемы *сучье* в памятниках письменности Белозерья, где по мнению Ю. И. Чайкиной, она использовалась с семантикой “подсека, на которой выжигается по преимуществу мелколесье или кустарник” [6, с. 76]: *Сичем мы, сироты, въ лесе сучье, государя своего землю питомую, и онъ Григорий Ратков, пришелъ к намъ, сиротамъ на сучье... с сыном своим Яковомъ... съ ножами и съ топорами и отбили насъ, сиротъ, от земли* [Челоб. кр.-н Заозер. ст. Куйск. Волости, 1661 г.; Оп. св. Влг., в. II, 85].

Интересна дальнейшая судьба рассматриваемых терминов. В “Опыте областного великорусского словаря” лексема *сучье* не отмечается, а лексема *суки* с пометами “псков. (Опоч., Псков.), твер.” представлена здесь с семантикой “расчищенная часть леса для посева хеба”, *суки сечь* – “жечь лес для очищения места под пашню или сенокос” [Опыт, 220].

Северо-западный ареал распространения лексемы *суки* сохраняется и в наши дни. С семантикой “подсека” она известна в новгородских, калининских [1, с. 19], псковских [2, IV, с. 358], олонецких, пудожских, петрозаводских, лодейно-польских, вытегорских говорах.

В современном русском литературном языке лексемы *суки*, *сучье* с семантикой, относящей их к терминологии подсечно-огневого земледелия, не используются.

Л и т е р а т у р а :

1. *Борисова Е. Н.* Лексика Смоленского края по памятникам письменности / Е. Н. Борисова. – Смоленск, 1974.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / Владимир Иванович Даль. – М. : Русский язык, 1978–1980.
3. *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря древней Руси / Георгий Евгеньевич Кочин. – М.–Л., 1937.
4. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным

- памятникам : в 3 т. / Измаил Иванович Срезневский. – СПб., 1893–1903.
5. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / Макс Фасмер. – М. : Прогресс, 1964–1973.
 6. *Чайкина Ю. И.* Вопросы истории лексики Белозерья / Ю. И. Чайкина // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда, 1975. – С. 46–136.

R e f e r e n c e s :

1. *Borisova E. N.* Leksika Smolenskogo kraja po pamyatnikam pismennosti [Vocabulary of the Smolensk Region on the monuments of writing] / E. N. Borisova. – Smolensk, 1974.
2. *Dal V. I.* Tolkovy slovar zivogo veikorusskogo jazuka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language] : v 4 t. / Vladimir Ivanovich Dal. – М. : Russkiy yazyk, 1978–1980.
3. *Kochin G. E.* Materialy dla terminologicheskogo slovarya drevney Rusi [Materials for the terminological dictionary of ancient Russia] / Georgiy Evgenyevich Kochin. – М.–Л., 1937.
4. *Sreznevskiy I. I.* Materialy dla slovarya drevnerusskogo yazyka po pismennim pamjatnikam [Materials for the dictionary of ancient language written on monument] : v 3 t. / Izmail Ivanovich Sreznevskiy. – SPb., 1893–1903.
5. *Fasmer M.* Etimologicheskij slovar russkogo yazyka [Etymological dictionary of Russian language] : v 4 t. / Maks Fasmer. – М. : Progress, 1964–1973.
6. *Chaikina Yu. I.* Voprosy istorii leksiki Belozer'ya [Questions of the history of the vocabulary of Belozerye] / Yu. I. Chaykina // Oчерки по leksike severnorusskikh govorov. – Vologda, 1975. – S. 46–136.

А р х е о г р а ф и ч е с к и е и с т о ч н и к и :

- АХУ – Акты Холмогорской и Устюжской епархии : в 3 ч. // РИБ. – СПб., 1890.
- АЮ – Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. Изд. Археографической комиссией. – СПб., 1838.
- ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. – М.–Л., 1949.
- НПК I – Новгородские писцовые книги / Изд. Археографической комиссией. – Т. I / Переписная оброчная книга Деревской пятины. Около 1495 г., первая половина. – СПб., 1859.
- НПК II – Новгородские писцовые книги / Изд. Археографической комиссией. – Т. 2 / Переписная оброчная книга Деревской пятины, до 1495 г., вторая половина. – СПб., 1862.
- НПК III – Новгородские писцовые книги / Изд. Археографической комиссией. – Т. 3 / Переписная оброчная книга Вотской пятины, 1500 г., первая половина. – СПб., 1868.
- НПК V – Новгородские писцовые книги / Изд. Археографической комиссией. – Т. 5 / Переписная оброчная книга Шелонской пятины. – СПб., 1905.

Стась Т. В. Назви угідь, розчищених під ріллю або косовицю, пов'язані з підсіканням ділянок лісу (за матеріалами пам'яток писемності XIV–XVI вв.).

У статті розглядається один з найбільш важливих і в той же час найменш вивчених питань російської історичної лексикології – формування різноманітної за походженням і семантикою сільськогосподарської термінології, дається її характеристика з точки зору походження та функціонування на різних етапах розвитку російської мови, визначається структура, словотвірний, семантичний обсяг, простежується її подальша доля. Послідовне застосування описового, порівняльного та порівняльно-історичного методів дозволило аргументовано висвітлити процес формування лексики землеробства і сінокошення в генетичному, семантичному, семасіологічному і функціональному аспектах.

Ключові слова: історична лексикологія, лексико-семантична група, полісемія, варіативність компонентів.

Stas T. V. Names of lands cleared under arable land or pasovytsy associated with the cutting of forest areas (based on materials written monuments XIV–XVI centuries).

The abundance of terms of slash-and-burn farming in the monuments of writing in North-West Russia in the fourteenth and sixteenth centuries, which in effect express the same concept of "forest area cleared for arable land or haymaking", was determined for a number of reasons, including the development of the system -fire agriculture. The stages of preparing the forest area for agricultural use have formed a special terminology for many centuries. The article deals with one of the most important and at the same time, the least studied issues of n historical lexicology - the formation of a diverse by the origin and semantics of agricultural terminology, its characteristic from the point of view of origin and functioning at different stages of development of the Russian language is given, the structure, word-building, semantic scope is determined, its further is traced fate. The consistent application of descriptive, comparative, and comparative historical methods allowed reasonably to highlight the process of forming the vocabulary of land cultivation and hay formation in the genetic, semantic, semasiological and functional aspects. Study the vocabulary of the Russian language in this regard is very promising, the results extend the understanding of the vocabulary of the Russian language on the formation of the terminology of tillage and haying.

Keywords: historical lexicology, lexical-semantic group, polysemy, variability of components.